

Уэлш неизменно доказывает, что литература — лучший наркотик.

Spin

Его мастерство, юмор и сочувствие в сумме равняются гениальности. Уэлш — лучшее, что произошло в британской литературе за последнее десятилетие.

Ник Хорнби

Ирвин Уэлш — натуральный уникам: только он может так чудесно смешать нигилизм и мелодраму, снайперски точный реализм (особенно в плане диалекта) и самые универсальные архетипы.

Дэвид Фостер Уоллес

Уэлш — редкой злокозненности тварь, одна из самых талантливых в мировом масштабе. Его тексты — хорошая, по всем правилам сделанная беллетристика, типичная британская социальная сатира. Только вот с читателем здесь не церемонятся — спички между глаз вставляют и заставляют смотреть, как автор выскребает души своих героев. Смотреть, сука, сидеть, я сказал! — такая вот ироническая беллетристика.

Лев Данилкин (Афиша)

Особенный талант Уэлша в том, как он умудряется найти комедию в историях о сексуальной одержимости и предательстве, наркомании и смерти. И даже самые кровавые, самые чернушные эпизоды можно отнести к категории уютного чтения.

Kirkus Reviews

Уэлш снова мастерски играет на нашей любви к запретным плодам, и чем запретнее, тем лучше.

The Times

Проза снайперски точная, отточенная до остроты бритвенного лезвия.

List

Адреналиновая волна подхватывает читателя на первой же странице и несет не отпуская.

Independent on Sunday

Главной ценностью романов Ирвина Уэлша являются не лихо закрученные сюжетные линии (хотя они, несомненно, хороши), а язык самого автора и язык его персонажей. Язык уэлшевских романов сотрясает своей развязностью, но в то же время он искренен и точен. Он как бы схватывает те наши мысли, которые ушли в подполье, не желая находиться в одном помещении с нашими же обычными суждениями и умозаключениями.

Культура. Свежая газета

Ирвин Уэлш превращает язык своего детства в средство создания фантастического мира, выходящего далеко за пределы окрестностей Эдинбурга, и маркирует им территорию, не просто ограниченную рамками определенного региона, но лежащую вообще за пределами буржуазной нормы. Язык у Уэлша порой важнее содержания текста. Следует отметить, что сам Уэлш весьма далек от воспевания того, что описывает; даже при передаче речи своих персонажей он все время сохраняет ироническую дистанцию. Герои Уэлша (по крайней мере те, которых он любит) страстно ищут выхода за пределы своего универсума. А когда его находят, оказывается, что нужная дверь возвращает тебя в ту точку, откуда ты начинал.

Илья Кормильцев (Иностранная литература)

С литературной точки зрения Уэлш достаточно прост. Его произведения обычно написаны от первого лица с обильным использованием слэнга, жаргона и диалектизмов — характер-

ный пример того, что русские формалисты называли словом «сказ». Это влечет за собой сложности и для переводчика, и для читателя, но должно — по мысли поклонников — гарантировать аутентичность и подлинность высказывания. Сказовая манера у Уэлша дополнена нехитрой монтажной техникой, позволяющей ему избегать простого линейного повествования (особенно это заметно в «Кошмарах аиста марабу»). Впрочем, в 1990-е годы и то и другое давно уже не в новинку. Вероятно, наиболее близким Уэлшу классиком XX века будет Луи Фердинанд Селин, с его жаргонизмами, натурализмом и экспрессией, сочетающимися с мизантропией и презрением к человечеству. Достоинством выбранного стиля служит то, что он позволяет избежать нравоучения: Уэлш, так же как и Селин, может позволить себе не оценивать своих героев, отказавшись от роли непогрешимого автора.

Критика называет его «постмодернистским Роальдом Даллем», однако сам он решительно разрывает с традициями нарочитой интертекстуальности и интеллектуальной усложненности: «Для того чтобы делать то, что я делаю, мне не требуются отсылки к другим книгам — я подпитываюсь своей собственной культурой. Я стараюсь использовать современную культуру: такую, как видео/музыку/эйсид-хаус, различные переживания — все то, что происходит вокруг. Вероятно, поэтому мои книги рассчитаны скорее на эмоциональное, а не на интеллектуальное восприятие. Если я захочу философии, то я обращусь к философам, а не к романистам».

Разумеется, приведенная цитата не значит, что Уэлш, как герой известного анекдота, «не читатель, а писатель», — он не оспаривает того, что Чарльз Буковски или Уильям Берроуз родственны ему. Речь идет только о том, что при создании своих произведений он отказывается ориентироваться на тексты, а ориентируется на жизнь. Конечно, в высказываниях Уэлша при желании нетрудно увидеть постмодернистский же вызов традиции литературоцентризма и ориентацию на современную аудио-визуальную культуру... Впрочем, легко заметить, что за его словами стоит типично модернистская уверенность в том, что эмоцию возможно передать литературными средствами. Самое удивительное, что в своих лучших произведениях Уэлшу это действительно удается.

Сергей Кузнецов (Иностранная литература)

Ирвин Уэлш — ключевая фигура английской «антилитературы». Проза Уэлша — один из тех редких случаев в серьезной прозе, когда разговоры о жанре, направлении, идеологии и подтекстах почти никак не влияют на прочтение. Это пример чисто экзистенциального письма, прямая трансляция происходящего. Недаром сам Уэлш как-то сказал, что его книги рассчитаны на эмоциональное, а не на интеллектуальное восприятие. Место действия здесь — неуютное пространство между смертью от передозировки, этическим экстремизмом и измененными состояниями сознания. Персонажи говорят на аутентичном эдинбургском диалекте с обильной примесью мата и экзотического сленга. Естественная интонация не оставляет места никаким литературным условностям. В сумме все это производит впечатление стилистического открытия.

Gazeta.ru

Говорят, что Уэлш пропагандирует наркотики. Да ничего подобного: это просто современная жизнь английского рабочего класса — футбол, таблетки, рейв и антиглобализм.

Вестни.ru

Ирвин Уэлш — неоспоримый лидер в новой волне современной британской словесности.

Observer

Читать Уэлша — все равно что смотреть Тарантино: адреналин зашкаливает.

The Spectator

Уэлш наводняет мировой эфир восхитительной какофонией голосов — печальных и смехотворных, агрессивных и раскаивающихся...

Scotland on Sunday

Самое прекрасное во вдохновении — то, что никто, кроме тебя, не знает его настоящего источника. Иногда не знаешь и сам. Бывает, пытаешься провести четкую линию между явлениями, которые легли в основу книги, и не можешь. Так что лично я оставляю эту работу подсознанию.

Ирвин Уэлш

Сэнди Макнейру посвящается

Говорят, смерть убивает человека, но не смерть
убивает. Убивают скука и безразличие.

Игги Поп. Мне нужно еще

Экстатической любви и не только — Энн, моим друзьям и близким и всем вам, хорошим людям (сами знаете, о ком речь).

Спасибо Робину в издательстве за усердие и поддержку.

Спасибо Паоло за марвиновские редкости (особенно «Piese of Clay»), Тони — за евротехно, Дженет и Трейси — за хепши-хаус, а Дино и Фрэнку — за габбардкор; мерси Антуанетте за проигрыватель и Бернарду за болтовню.

С любовью ко всем шайкам-лейкам в Эдинбурге, Глазго, Амстердаме, Лондоне, Манчестере, Ньюкасле, Нью-Йорке, Сан-Франциско и Мюнхене.

Слава «Хибз».

Берегите себя.

ЛОРРЕЙН ЕДЕТ В ЛИВИНГСТОН

*Любовный роман
эпохи регентства
в стиле рейв*

Дебби Доноуан и Гэри Данну посвящается

1

РЕБЕККА ЕСТ ШОКОЛАД

Ребекка Наварро сидела в просторной оранжерее собственного дома и смотрела на освещенный солнцем свежий сад. В его дальнем углу, у старинной каменной стены Перки подстригал розовые кусты. Об угрюмой озабоченной сосредоточенности, привычном выражении его лица, Ребекка могла лишь догадываться, рассмотреть его ей мешало солнце, которое ослепляюще било сквозь стекло ей прямо в глаза. Ее клонило в сон, она чувствовала, что плывет и расплавляется от жары. Отдавшись ей, Ребекка не удержала увесистую рукопись, она выскользнула из рук и глухо шлепнулась на стеклянный кофейный столик. Заголовок на первой странице гласил:

БЕЗ НАЗВАНИЯ — В РАБОТЕ

(Любовный роман № 14. Начало XIX века. Мисс Мэй)

Темная туча заслонила солнце, развеяв его сонные чары. Ребекка покосилась на свое отражение в потемневшей стеклянной двери, которое вызвало в ней краткий приступ отвращения к себе. Она поменяла положение — профиль на анфас — и втянула щеки. Новый образ стер картину общего увядания и обвислых щек, причем так удачно, что Ребекка почувствовала себя достойной небольшого вознаграждения.

Перки полностью погрузился в работу по саду или просто делал вид. Семья Наварро нанимала садовника, который работал тщательно и умело, но, так или иначе, Перки всегда находил предлог самому поковыряться в саду, утверждая, что это помогает ему думать. Ребекка же, хоть убей, даже представить себе не могла, о чем это ее мужу приходится думать.

Хотя Перки и не смотрел в ее сторону, движения Ребекки были предельно экономны — украдкой протянув руку к коробке, она приоткрыла крышку и быстрым движением достала два ромовых трюфеля с самого дна. Она запихала их в рот и, на грани обморока от дурноты, начала яростно жевать. Фокус состоял в том, чтобы проглотить конфеты как можно быстрее, — будто таким образом можно было обмануть собственное тело, чтобы переварило получаемые калории одним махом.

Попытка обмануть собственный организм не удалась, и тяжелая, сладкая дурнота захлестнула Ребекку. Она физически ощущала, как ее орга-

низм медленно и мучительно перемалывает эти ядовитые мерзости, производя тщательный учет полученных калорий и токсинов, прежде чем распределить их по организму так, чтобы они нанесли максимальный вред.

Сначала Ребекка думала, что переживает очередную приступ тревожности: эта тянущая жгучая боль. Лишь через несколько секунд ее охватило сперва предчувствие, а потом и уверенность в том, что случилось нечто более страшное. Она начала задыхаться, в ушах зазвенело, мир закружился. Ребекка с перекошенным лицом тяжело рухнула на пол веранды, хватаясь обеими руками за горло. Струйка коричневой от шоколада слюны поползла из уголка рта.

В нескольких шагах от происходящего Перки стриг розовый куст. «Надо бы опрыскать пакостников», — подумал он, отступая, чтобы оценить свой труд. Краем глаза он увидел, как что-то дергается на полу оранжереи.

2

ЙАСМИН ЕДЕТ В ЙОВИЛЬ

Ивонн Крофт взяла в руки книгу под названием «Йасмин едет в Йовиль» Ребекки Наварро. Дома она злилась на мать за пристрастие к этой серии романчиков, известных как «Любовные романы с мисс Мэй», но теперь сама не могла оторваться от чтения, с ужасом осознавая, что книга захватывает ее чрезмерно. Она сидела, скрестив ноги, в огромном плетеном кресле — одном из немногих предметов мебели наряду с узкой кроватью, деревянным шкафом, комодом и мойкой, составлявших обстановку в маленькой сестринской лондонской больницы Святого Губбина.

Ивонн с жадностью поглощала последние страницы книги — развязку любовного романа. Она заранее знала, что произойдет. Ивонн была увере-

на, что хитроумная сваха мисс Мэй (появлявшаяся во всех романах Ребекки Наварро в разных воплощениях) разоблачит невыразимое коварство сэра Родни де Морни; что чувственная, бурная и неукротимая Йасмин Делакур воссоединится со своим истинным возлюбленным, благородным Томом Резником, точно так же, как и в предыдущем романе Ребекки Наварро «Люси едет в Ливерпуль», в котором прелестную героиню спасает из рук злодеев, прямо с борта корабля контрабандистов, избавляя ее от жизни в рабстве у негодяя Мибурна Д'Арси, блистательный Квентин Хаммонд из Ост-Индской компании.

Тем не менее Ивонн продолжала увлеченно читать, переносясь в мир любовного романа, мир, где не было ни восьмичасового дежурства в гериатрической палате, ни ухода за увядающими стариками, страдающими недержанием мочи, превращающимися перед смертью в сморщенные, хриплые, искаженные карикатуры на самих себя.

Страница 224

Том Резник мчался как ветер. Он знал, что его статная лошадь находится на грани истощения и что он рискует загнать кобылу, понукая с таким жестоким упорством верное и благородное животное. И ради какой цели? С тяжелым сердцем Том понимал, что не успеет достичь Бронди-Холла до того момента, как Йасмин соединится в браке с негодным сэром Родни де Морни, обманщиком, который посредством грязной лжи уготовил этому

ТРИ ИСТОРИИ О ЛЮБВИ И ХИМИИ

прекрасному созданию рабскую долю наложницы вместо предназначенного ей светлого будущего.

В это самое время сэр Родни на светском балу был доволен и весел — Йасмин никогда не выглядела настолько восхитительно. Сегодня ее честь будет принадлежать сэру Родни, который вдоволь насладится падением упрямой девицы. Лорд Бомонт приблизился к приятелю.

— Твоя будущая невеста — сокровище. По правде говоря, друг мой Родни, я не ожидал, что тебе удастся завоевать ее сердце, поскольку был уверен, что нас обоих она считает недостойными дешевками.

— Мой друг, ты явно недооценивал настоящего охотника, — улыбнулся сэр Родни. — Я слишком хорошо знаю свое ремесло, чтобы приближаться вплотную к дичи во время преследования. Напротив, я спокойно дожидался идеального для себя момента, чтобы нанести окончательный *coup de grâce*¹.

— Готов поспорить, это ты отправил докучливого Резника на континент.

Сэр Родни приподнял бровь и заговорил, приглушив голос:

— Прошу, будь осмотрительней, друг мой. — Он боязливо оглянулся и, убедившись в том, что из-за шума оркестра, игравшего вальс, ничьи уши не слышат их беседы, продолжил: — Да, это я подстроил внезапный вызов Резника в отряд Суссекских рейнджеров и назначение его в Бельгию. Надеюсь, что бонапартовские стрелки уже отправили молодца прямо в ад!

— Неплохо, неплохо, — улыбнулся Бомонт, — ибо леди Йасмин, к сожалению, не удалось произвести впе-

¹ Смертельный удар (*фр.*); досл. удар милосердия.

чатление тонко воспитанной особы. Ни на каплю не смутилась, когда мы обнаружили во время нашего посещения, что она спуталась с безродным ничтожеством, никоим образом не заслуживающим внимания женщины из высшего света!

— Да, Бомонт, легкомысленность — одно из качеств этой девицы, и ему должен быть положен конец, когда она станет верной супругой. Именно это я и сделаю сегодня к вечеру!

Сэр Родни не знал, что высокая старая дева, мисс Мэй, находившаяся все это время за бархатной портьерой, слышала все. Теперь она покинула свое укрытие и присоединилась к гостям, оставив сэра Родни с его замыслами насчет Йасмин. Сегодня вечером...

Ивонн отвлек стук в дверь. Пришла ее подруга Лоррейн Гиллеспи.

— Ты на ночном дежурстве, Ивонн? — Лоррейн улыбнулась подруге.

Ее улыбка казалась Ивонн необычной, будто направленной куда-то далеко, сквозь нее. Иногда, когда Лоррейн смотрела на нее вот так, Ивонн казалось, будто это вовсе и не Лоррейн.

— Да, не повезло жутко. Мерзкая сестра Брюс — старая свинья.

— А эта гадина, сестра Патель, со своим говорком, — поморщилась Лоррейн. — По-ойди поменяй белье, а когда поменяешь, по-ойди раздай лекарство, а когда раздашь, по-о-ойди померь температуру, а когда померяешь, по-о-ойди...

ТРИ ИСТОРИИ О ЛЮБВИ И ХИМИИ

— Точно... сестра Патель. Отвратительная баба.

— Ивонн, можно я чайку себе сделаю?

— Конечно, извини, поставишь чайник сама, а? Прости, тут я такая, ну это... просто не могу оторваться от книжки.

Лоррейн наполнила чайник из-под крана и включила в розетку. Проходя мимо подруги, она слегка склонилась над Ивонн и вдохнула запах ее духов и шампуня. Она вдруг заметила, что перебирает между большим и указательным пальцем белокурый локон ее блестящих волос.

— Боже мой, Ивонн, твои волосы так классно выглядят. Каким ты их шампунем моешь?

— Да обычным — «Шварцкопф». Тебе нравятся?

— Ага, — сказала Лоррейн, ощущая необычную сухость в горле, — нравятся.

Она подошла к мойке и выключила чайник.

— Так ты сегодня в клуб? — спросила Ивонн.

— Всегда готова! — улыбнулась Лоррейн.

Содержание

| | |
|---|-----|
| Благодарности | 11 |
| ЛОРРЕЙН ЕДЕТ В ЛИВИНГСТОН | |
| <i>Любовный роман эпохи регентства в стиле рейв</i> | 13 |
| И ВЕЧНО ПРЯЧЕТСЯ СУДЬБА | |
| <i>Любовный роман с корпоративной фармацевтикой</i> | 125 |
| НЕПОБЕДИМЫЕ | |
| <i>Любовный роман в стиле эйсид-хаус</i> | 249 |
| Часть первая. Всепоглощающая любовь экстази | 270 |
| Часть вторая. Всепоглощающий экстаз любви | 360 |